

Священник А. В. Мазырин

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИАРХА ТИХОНА

Статья посвящена патриотическому служению святителя Тихона в период его патриаршества (1917—1925). По мнению автора, патриотизм Патриарха наиболее ярко проявился в целом ряде деяний, а именно: в обличении преступлений большевистской власти (в том числе за ее отказ защищать Отечество от внешних врагов и разжигание ею гражданской войны), в отказе благословить в какой-либо форме кровопролитную политическую борьбу и интервенцию, в отеческом вразумлении народа покаяться и очиститься «от многолетних язв своих», в единении со своим народом и готовности помочь ему всеми силами в условиях страшного голода (но так, чтобы это действительно было помощью страждущим, а не святотатственной кампанией поругания святынь, которую в реальности стали проводить большевики). По убеждению святителя Тихона, главное служение Церкви своему Отечеству должно состоять в том, чтобы она являлась *совестью* государства, а не обслуживала наличную государственную власть в решении ее текущих политических задач (нередко откровенно преступных, как это было в случае с большевиками).

Ключевые слова: *святитель Тихон (Беллавин), Патриарх Московский, церковно-государственные отношения, гонения на Русскую Православную Церковь, аполитичность Церкви, патриотизм.*

Патриотическое служение святого Патриарха Тихона имело свои важные особенности. Святитель Тихон стал Патриархом практически одновременно с приходом к власти в России самой тогда непатриотической партии, главным приоритетом которой во внешней политике была мировая революция, а во внутренней — разжигание гражданской войны, партии воинствующе русофобской (в тот момент) и воинствующе безбожной, партии, которая уже в первые месяцы своего правления залила страну кровью и продолжала всеми силами сеять ненависть.

В январе 1918 г. Патриарх Тихон отозвался на развертывание большевистского насилия посланием, в котором провозглашал: «Остановитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. <...> Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас»¹. Прямо большевики

---

¹ Послание Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом

в патриаршем послании названы не были, но в нем среди прочих злодеяний были упомянуты расстрел соборов Московского Кремля, захват «безбожными властелинами тьмы века сего» чтимых верующим народом обителей, таких, например, как Александро-Невская лавра, и объявление их «каким-то якобы народным достоянием». Иными словами, перечислялись конкретные преступления советской власти. Всем было понятно, кто в первую очередь подпадал под эту анафему. Понимали это и сами большевики, но только приходили от того в еще большую ярость.

После январского послания с анафемой святитель Тихон выпустил еще ряд заявлений с острой критикой большевистского правительства. При этом все эти послания носили не политический, в чем обвиняли Патриарха, а пастырский характер. Так, в связи с принятием большевиками позорных условий мира с Германией Предстоятель Русской Церкви весьма нелюбезно высказался про «сынов века сего, забывших совершенно святой христианский долг любви к Родине». Причем речь шла не столько о воинах, сколько о преступной власти, подстрекавшей их бежать с оружием «с поля ратного, пред лицом врага иноземного <...>, чтобы этим же оружием расстреливать друг друга в междоусобной борьбе». «Исстрадавшиеся сыны Родины нашей готовы даже малодушно кинуться в объятия врагов ее, чтобы искать среди них и под их властью успокоения жизни общественной, прекращения ее ужасов, — писал Патриарх. — Горе той власти, которая довела русских людей до такого отчаяния!» Святитель Тихон призывал русских людей прекратить взаимные распри, оставить злобу, водворить в сердцах мир. «При таком истинно христианском настроении вашего сердца не страшны вам будут никакие козни вражеские. Пусть даже враг сильнейший и пленит на время ваши города и селения: вы примите сие как выражение гнева Божия, на вас низведенного волею Провидения за прошлое, и в глубоком чувстве искреннего сердечного покаяния почерпните силу для своего духовного возрождения в будущем, но возрождения, возмож-

ного только под сению Святой Церкви Православной, под мощной защитой оружия веры Христовой»².

Без малейшей тени политиканства и национализма Патриарх Тихон дал чисто духовную оценку подписанному большевиками в марте 1918 г. Брестскому миру: «Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чужого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же православной принесет великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери. <...> Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир. Этот мир, принужденно подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожителству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества»³. Время показало, насколько прав был святой Тихон в своих суждениях (в частности, в вопросе об Украине).

На годовщину октябрьского переворота святой Патриарх обратился непосредственно к так называемым народным комиссарам с еще более сильными словами увещания: «Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска. Против кого вы их поведете? Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой револю-

---

² Послание Святейшего Тихона пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви по поводу происходящей в стране междоусобной брани // Акты Святейшего Тихона... С. 104–105.

³ Послание Святейшего Тихона по поводу Брестского мира // Там же. С. 107–108.

ции. Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир». Далее святитель Тихон очень выразительно описывал ту обстановку, в которую погрузили страну большевики, и призывал их освободить заключенных, прекратить кровопролитие, насилие, разорение, стеснение веры и т. д.⁴ Позднее, на допросе в марте 1923 г., митрополит Арсений (Стадницкий) показал, что членам Синода то патриаршее послание было сообщено «только к сведению», и некоторые, включая его самого, «высказывались против посылки такого письма в виду резкости некоторых выражений, но Патриарх взял всю ответственность за него на себя»⁵. Последняя деталь весьма важна и ярко характеризует личность святителя Тихона: перекладывать ответственность на других (Синод и т. п.) было не в его обыкновении. Практическим результатом обращения Патриарха Тихона к комиссарам был его домашний арест⁶, ставший затем его обычным состоянием.

По убеждению Патриарха, его обличения преступлений большевиков не означали втягивания Церкви в политическую борьбу, а являлись лишь исполнением его духовно-нравственного долга. В ответ на обвинение в призывах к свержению советской власти взятый под домашний арест святитель Тихон заявил Совнаркому в декабре 1918 г.: «Что многим мероприятиям народных правителей я не сочувствую и не могу сочувствовать как служитель Христовых начал, этого я не скрываю <...>, но <...> не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной, а тем более предпринимать действия, направленные к ее низвержению. Наш долг лишь указывать на отступления людские от великих Христовых заветов любви, свободы и братства, изобличать действия, основанные на насилии и ненависти, и звать всех ко Христу»⁷. Патриарх не призывал к ответному насилию. Свою задачу он видел в том, чтобы пробуждать голос совести

⁴ Обращение Святейшего Патриарха Тихона к Совету народных комиссаров в связи с первой годовщиной октябрьской революции // Акты Святейшего Тихона... С. 149–151.

⁵ Следственное дело Патриарха Тихона: сб. док. по мат-лам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 243.

⁶ Основанием ареста была названа «написанная им прокламация к народу о Совнарком» (Там же. С. 69; орфография сохранена).

⁷ Там же. С. 75.

в людях, и разъяснял позицию Церкви так: «Мы не призываем к бунту <...> против власти, но только к борьбе против ее уродливых и преступных порождений. Власть может быть монархической или республиканской, кадетской или большевистской, но не должна она безнаказанно вызывать подобных беспримерных потрясений и разложения нравственных основ»⁸.

Любовь святителя Тихона к Отечеству проявлялась и в его последовательном неприятии гражданской войны. Благословить вооруженную борьбу с большевиками Патриарх Тихон не находил возможным. Все обвинения подобного рода (о якобы имевшем место благословении А. В. Колчака и других белых вождей) он категорически отвергал. В проповеди в день памяти священномученика Патриарха Гермогена, 2 марта 1919 г., святитель Тихон дал ответ на болезненный вопрос: «Чем же и как может ныне помочь Церковь родине нашей?». «Быть может, — спрашивал он, — тем, что будет способствовать восстановлению монархии и посадит опять на престол царя? Знаем, что недоброжелатели Церкви и духовенства такое подозрение приписывают нам и ставят в тяжкую вину, обвиняя нас как явных и скрытых контрреволюционеров. Пусть успокоятся. Установление той или иной формы правления государства — не дело Церкви, а самого народа. Будет ли царь, будет ли конституция, будет ли президент российской республики, это решит сам народ, а Церковь не связывает себя на веки определенным образом правления, ибо таковой имеет лишь относительное историческое значение. Церковь несет другое служение: она является и должна быть совестью государства. Подчиняясь власти в делах мирских, Церковь говорит ей, что власть поставлена Богом для того, чтобы служить народу, пещись о его истинном благе, защищать его интересы, и только такую власть — и такой строй — она может благословить, которые принесут людям мир и правду, а не насилие, обиды и классовую вражду»⁹.

⁸ «Смирение и кротость — это величайшая сила в мире, так как они — сила Христа»: к 80-летию преставления святого Патриарха Тихона / *публ. Н. А. Кривошеевой, О. Н. Ефремовой, И. Н. Смоляковой* // Журнал Московской Патриархии. 2005. № 6. С. 58.

⁹ «Да будем союзом любви связуемы»: неизвестные обращения святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси / *публ., предисл. и прим. И. Н. Жияновой* // Богословский сборник ПСТБИ. Вып. 11. 2003. С. 422.

Из раза в раз святой Патриарх повторял, что Церковь не участвует в политической борьбе, чужды ей были и призывы к интервенции иноземцев и иноверцев. В октябре 1919 г. Предстоятель Русской Церкви выпустил послание к ее архипастырям и пастырям, в котором вновь отверг обвинения в стремлении к свержению советской власти и подчеркнул: «Мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не предложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а чрез то не „возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины“ (Еф 4. 24)»¹⁰. Не сами по себе большевики были причиной бедствий, обрушившихся на Россию, а духовное одичание ее народа, позволившего разгореться своим самым темным страстям. Большевики лишь ловко сыграли на этих страстях. Без покаянного очищения народа «от многолетних язв своих» надеяться на возрождение России и в случае военной победы над большевиками было нельзя.

Подлинный христианский патриотизм святителя Тихона проявился и после кровопролитной гражданской войны в связи с поразившим тогда страну голодом. Летом 1921 г., как только стали понятны масштабы бедствия, Церковью была начата активная деятельность по оказанию помощи страждущим. Патриарх Тихон обратился к главам христианских церквей и народам мира с призывом: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода»¹¹. Этот призыв Предстоятеля Русской Церкви нашел отклик у мировой христианской общественности. Помощь была оказана, и довольно существенная.

Сбор средств в пользу голодающих по призыву Патриарха Тихона был развернут и в храмах Русской Православной Церкви. Однако советское правительство отнеслось к этой деятельности с большой подозрительностью. Патриарх Тихон просил ВЦИК как

---

¹⁰ Послание Святейшего Патриарха Тихона с призывом к православному клиру и мирянам о невмешательстве в политическую борьбу // Акты Святейшего Тихона... С. 164.

¹¹ Воззвание Святейшего Патриарха Тихона «К народам мира и к православному человеку» по поводу голода в России // Там же. С. 177.

можно скорее утвердить Положение о Церковном комитете помощи голодающим, чтобы тот мог легально приступить к деятельности, но ВЦИК тянул с ответом¹². Ситуация складывалась трагическая. Голод в стране усиливался, а власть игнорировала церковные инициативы по борьбе с ним, и так продолжалось несколько месяцев.

Лишь 1 февраля 1922 г. представителями ВЦИК и Патриарха был подписан документ о порядке церковной деятельности, направленной на оказание помощи голодающим¹³. Речь шла о добровольных *пожертвованиях*, последующее распределение которых должно было производиться при участии Церкви. Это было важно, поскольку имелись сильные (и как показали дальнейшие события, совершенно правильные) сомнения в том, что власть использует церковные ценности по декларируемому ею назначению.

6 февраля Патриархом было выпущено новое обращение к православным людям с призывом к жертвованиям на голодающих. В этом обращении шла речь и о храмовых драгоценностях, не имевших богослужебного употребления (в основном об украшениях икон), которые тоже можно было использовать для борьбы с голодом¹⁴. Что Патриарх Тихон считал категорически недопустимым, так это изъятие из храмов предметов, которые использовать иначе как в богослужебных целях, по церковным канонам вообще нельзя, то есть евхаристических сосудов. В действительности, даже в чисто практическом плане, в таком изъятии не было и нужды. Наибольшую в материальном отношении ценность среди храмового имущества представляли массивные серебряные оклады икон. В городских храмах их вес мог идти на пуды или даже десятки пудов. Неприкосновенные, с точки зрения Церкви, священные сосуды (как правило, тоже серебряные) весили на порядок или даже два меньше. Оставить их в храмах можно было без сколь-либо заметного ущерба для кампании помощи голодающим.

¹² См.: «...Может быть, мы не были бы свидетелями ужасов голода...» / *публ., вступ. ст. и коммент. О. Н. Ефремовой* // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 185.

¹³ См.: Положение об участии Православной Русской Церкви в деле помощи голодающим // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: в 2 кн. Новосибирск; М., 1997–1998. Кн. 2. С. 8–10.

¹⁴ См.: Воззвание Патриарха Тихона о помощи голодающим // Там же. С. 10–11.

Однако большевистское руководство мыслило предстоящее изъятие церковных ценностей совсем по-другому, нежели Патриарх. Согласно советскому законодательству, все храмовое имущество уже 4 года являлось собственностью государства и находилось лишь во временном пользовании у местных религиозных общин. Ни о каком *пожертвовании* его Церковью не могло быть и речи. Вопрос стоял о наиболее эффективном изъятии из храмов того, что государство и так считало своим. При этом особого сакрального значения евхаристических сосудов большевики не признавали. В ходе изъятия предписывалось оставлять в храмах лишь тот минимум предметов, без которого отправление культа стало бы невозможным (пойти на массовое закрытие церквей вследствие прекращения в них богослужений власть тогда еще не решалась из-за опасений народного возмущения).

23 февраля 1922 г. был издан декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей, давший старт соответствующей кампании. Никакой добровольности в передаче ценностей верующими не предусматривалось, равно как и участия Церкви в дальнейшем использовании изъятого. Согласно прилагавшейся к декрету инструкции, в случае несогласия верующих с изъятием какого-либо богослужебного предмета они могли вносить свои замечания и возражения в протокол, но это не отменяло изъятия. Максимум, можно было рассчитывать на замену одних изымаемых предметов другими¹⁵.

Патриарх Тихон был возмущен таким поворотом дела и написал председателю ВЦИК М. И. Калинину письмо с призывом придерживаться первоначальных договоренностей о характере церковной помощи голодающим, а также с просьбой прекратить злобные нападки на Церковь и на него лично в советской печати. Никакого положительного ответа Патриарху Калинин не дал. Столкнувшись с такой позицией государства, Патриарх Тихон обратился 28 февраля с посланием к Церкви, в котором охарактеризовал разворачиваемую кампанию как *святотатство*, за участие в котором миряне, по канонам, подлежат отлучению от Церкви, а священнослужители

---

¹⁵ Инструкция ЦК Помгола ВЦИК и НКЮ о порядке изъятия церковных ценностей // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 2. С. 22.

ли — лишению сана¹⁶. Послание Патриарха содержало моральную и каноническую оценку изъятия церковных святынь, но не призыв к сопротивлению. Оно нашло отклик у верующих, но не остановило красных святотатцев.

Патриарх Тихон до последнего пытался разрядить накаляемую большевиками ситуацию. В послании от 4 апреля 1922 г. он разъяснял, при каких условиях «не будет места какому-нибудь от верующих гневу, вражде и злобе»: «Верующие имеют законное право заявлять и требовать от властей, чтобы при этом не было никакого оскорбления, тем более поругания религиозного их чувства, чтобы сосуды, как священные предметы при святом причастии, не могущие, по канонам, иметь употребления не священного, подлежат выкупу и замене их равноценными материалами, чтобы к наблюдению за правильностью расходования церковных ценностей именно на помощь голодающим привлекались представители от самих верующих»¹⁷.

Власть, однако, категорически отказывалась допускать какой-либо церковный контроль использования церковных же ценностей, установка была на разрастание конфликта и репрессии. Это хорошо видно из секретного письма Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 г. с призывом расстреливать как можно больше «представителей реакционного духовенства»: «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать», — науськивал он своих поделщиков. При этом о спасении голодающих в письме больного вождя не было ни слова! Наоборот, их страдания он надеялся обернуть в свою пользу и писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь [перед] подавлением какого угодно сопротивления»¹⁸.

---

¹⁶ Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей // Акты Святейшего Тихона... С. 190.

¹⁷ «...Может быть, мы не были бы свидетелями ужасов голода...» С. 187.

¹⁸ Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении Церкви 19 марта 1922 г. // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 142–143.

Людоедские установки Ленина, разумеется, не могли не отразиться и на судьбе самого святителя Тихона. В мае 1922 г. он был арестован и изолирован в Московском Донском монастыре. Власть готовилась к показательному процессу над ним. В апреле 1923 г. Политбюро постановило «дать директиву Верховному Трибуналу вести дело Тихона со всею строгостью, соответствующей объему колоссальной вины, совершенной Тихоном»¹⁹. Таким образом, приговор Патриарху был заранее предрешен. Он был перемещен из Донского монастыря во Внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке, где ожидал несправедливого суда и смертной казни.

Однако в итоге руководство РКП(б) не решилось пойти на демонстративную расправу над Патриархом, опасаясь, что она повредит внешнеполитическим интересам СССР, и в июне 1923 г. он вышел на свободу. Власти было важно «сохранить лицо», чтобы не сложилось впечатление, будто бы большевики «испугались угроз белогвардейщины». От Патриарха потребовали раскаяться «в совершенных против советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях», отмежеваться «открыто и в резкой форме от всех контрреволюционных организаций» и т. д.²⁰ При этом следствие в отношении святителя Тихона не прекращалось, что означало возможность его нового ареста в любой момент.

Патриарху тогда нужно было уберечь Церковь от разорявших ее раскольников-обновленцев. Поэтому он принял основные условия освобождения, результатом чего стало его известное заявление в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 г.: «Я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюции»²¹. В действительности святитель Тихон, как уже

¹⁹ Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б) об отклонении предложения наркома иностранных дел Г. В. Чичерина «о невынесении смертного приговора Тихону». К протоколу заседания Политбюро № 61, п. 8, от 12 апреля 1923 г. // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 267.

²⁰ Записка председателя Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Е. М. Ярославского в Политбюро ЦК РКП(б) об условиях освобождения из-под ареста Патриарха Тихона 11 июня 1923 г. // Там же. С. 282–283.

²¹ Постановление Верховного Суда об освобождении Василия Белавина (быв. патриарха Тихона) // Известия ВЦИК. 1923. 26 июня.

было сказано, и в момент наибольших успехов «белогвардейской контрреволюции» никакой поддержки ей не оказывал, твердо придерживаясь принципа невмешательства Церкви в политическую борьбу.

При этом важно, что даже навязанные ему заявления Патриарх Тихон делал от *своего собственного лица*, не требуя ни от кого вслед за собой «отмежевываться от контрреволюции». В своем кругу он пояснял: «Я написал <...>, что я отныне — **не враг** советской власти, но я не писал, что я **друг** советской власти»²². Во всеуслышание же Патриарх Тихон возглашал в июле 1923 г.: «Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть ни „белой“, ни „красной“ Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены»²³. Собственно, Церковь Патриарха Тихона и ранее «белой» не была, важен патриарший отказ делать ее «красной»: служить большевикам так, как это делали иуды-обновленцы.

Никакого радикального изменения позиции святителя Тихона в отношении советской власти не произошло. Усмотреть такое можно, если только видеть в Патриархе политического деятеля. Но святитель Тихон политиком не был. Как Патриарх, он изначально выступал за аполитичность Русской Православной Церкви, критиковал власть по мотивам исключительно религиозным и, если в дальнейшем от такой критики отказался, то и морально солидаризироваться с советской властью не стал. Патриарх был против использования церковных прещений по политическим основаниям. Приписанное ему после его смерти согласие осудить «отказывающихся принести раскаяние перед советской властью»²⁴ было, по всей очевидности, подложным²⁵. Компромисс, на который он готов был пойти во взаимоотношениях с богоборческой властью, чести и достоинства

²² *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.): по личным воспоминаниям. Мюнхен, 1959. С. 14. Слова «не враг» и «друг» выделены в источнике.

²³ Воззвание Святейшего Патриарха Тихона // Акты Святейшего Тихона... С. 287.

²⁴ Предсмертное завещание Тихона // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 апр.

²⁵ Подробнее см.: *Сафонов Д. В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 265–311.

Церкви не ронял. Призвание Церкви святой Патриарх видел в том, чтобы она была *совестью государства*. Церковь, превращенная в инструмент политической борьбы государства, да еще и безбожного, быть его *совестью* уже не может. Святитель Тихон такого превращения не допустил. В этом с особой силой и проявился его великий патриотизм.

Сведения об авторе. Мазырин Александр Владимирович — священник, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия, г. Москва). *E-mail: am@pstbi.ru.*